

ISSN 1991-9484

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2009

№ 1

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г.Гайдуков*,
академик РАН *А.П.Деревянко*, проф. *А.Ивернищи*,
член-корр. РАН *С.П.Карпов*, член-корр. РАН *Г.А.Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Мозгаричев*,
академик РАН *В.И.Молодин*,
д.ф.н. *В.Ф.Романов*, д.и.н. *Э.Д.Фролов*, проф. *Чан Куквон*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *М.Ф.Высокий* (Институт всеобщей истории РАН),
к.и.н. *В.А.Гаибов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. *О.В.Гнеveck* (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *И.В.Октябрьская* (зам. главного редактора,
Институт археологии и этнографии СО РАН),
д.и.н. *И.Е.Суриков* (Институт всеобщей истории РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. *С.Г.Шулежкова* (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь,
Магнитогорский гос. университет)

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gneveck, Yu.V.Gorlov, V.D.Kuzneisov, S.V.Mokrousov,
I.V.Oktyabrskaya, S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, M.Ph.Vysokii, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

© 2009

Т.И. Рожкова

ФОТОГРАФИЯ В ДИАЛОГЕ ЧЕЛОВЕКА СО ВРЕМЕНЕМ*

Изобретение фотографии с ее способностью удовлетворять массовый спрос на портрет можно сопоставить с появлением письменности в культуре. В XX веке фотография успешно освоила способность живописи визуально передавать мгновения жизни. Фотограф при этом получил самосознание художника. Семантика слова фотография достаточно открыта нашему слуху. С развитием новых технологий, с применением новых инструментов и приспособлений «списывать жизнь» становится не только престижно, но и легко, увлекательно, выгодно. По мере развития массовой фотографии фотограф неумолимо становился еще и летописцем. Именно в этой функции, функции документального архива, фотография оказалась востребована наукой в первую очередь. Фотографический материал придавал работам историков, этнографов, фольклористов необходимый уровень убедительности. Этот путь прошли и фольклористы Магнитогорского государственного университета, издательские проекты которых включали региональные фотоматериалы, как иллюстративный фон¹. В настоящей статье мы рассмотрим фотографическую коллекцию лаборатории, как источник сведений по народной культуре региона².

Полевая работа фольклориста включает разные способы коммуникативной деятельности. Обращение к материалу семейного альбома помогает выйти на уровень «насыщенного описания» (К. Гирц) фактов народной культуры. В быту фотографирование ориентировано на фиксацию значимого (переломного, критического) события в жизни семьи, отсюда популярность общесемейной тематики фотографий: юбилейные торжества, свадьба, похороны. Фотографии, профессиональные и любительские, представляют для исследователя подробные репортажи событий, где всегда можно отыскать нерасказанные подробности. Можно говорить о поэтике семейной фотографии: она избирательна не только по отношению к ситуации. Время семейной фотографии — особо приближенное к человеку время. Здесь он прежде всего член семьи — родитель, ребенок, родственник, друг, — словом, частный человек, человек недеформированный социальным статусом. Фотографии этой темы наработали свои приемы «постановки натуры», определили типы/маски действующих лиц (глава семьи, хранительница очага, родоначальники семейного древа, продолжатели рода). Мастера фотографического искусства, следуя стилю «живописной идеализации людей» научились обустраивать пространство, наполнять его нужными предметами. Устойчивость фотографической поэтики дает возможность с достаточной степенью достоверности интерпретировать снимки, утратившие своих владельцев. Из коллекции «Фотографии неизвестных» снимок № 1. К началу XX века большие семьи сохранились у старообрядцев и купцов. Одежда фотографирующихся, постановочный характер фотографии (молодая женщина неловко держит музыкальный инструмент) говорят о материальном достатке в этом боль-

* Работа выполнена при поддержке гранта 13.11.47 «Этнолокальное изучение культурно-исторического наследия южноуральского региона (архаика и современность)».

шом семействе. В то же время балалайка позволяет настаивать на купеческих корнях семьи, так как старообрядцы, не говоря уже о дворянах, относились к этому инструменту пренебрежительно.

На снимке № 2 этой же коллекции представлено два поколения семьи казаков станицы Краснинской Верхнеуральского р-на. О том, что это семья казачьего урядника, мы судим по парадной форме главы семейства (три полосы на погонах). В центр композиции посажен наследник. С рождением мальчика благополучие семьи значительно возросло. Семья оренбургского казака получала дополнительный земельный надел, площадь которого менялась и в среднем составляла 20 десятин³. Старшей девочке-подростку фотограф дал в руки букет, знак подрастающей красавицы. Для фотографирования все вышли на улицу (у двора, во дворе), за спинами — створки больших ворот. Такая постановка природы была распространенным явлением. На снимке № 3 — неразделенная семья казаков Панферовых: родители, взрослые дети с семьями, внуки. В центре мальчик, четырехлетний Анисим (1910 г.р.).

Устойчивые черты поэтики семейного фотографирования не отменяют других систем, конструирующих понимание фотографического текста. Речь идет об устном комментировании, которое может сделать фотографию событием особого рода. Не случайно И.А. Разумова включила семейный альбом в свое исследование по устной словесности современной семьи, где по поводу фотографии заметила: она «требует интерпретирующего текста»⁴. Верному пониманию фотографии помогает вызванный собирателем разговор-воспоминание с ее владельцами, как это зафиксировано в следующей записи тетради фольклориста. Комментируя снимок № 4, где в центр посажены родители — Ананий Иванович и Елена Николаевна Овсянниковы, правнук Алексей Александрович Овсянников рассказал: «Казачков отличало от других сословий то, что они сильно почитали старших. Вот, к примеру, тщедушный старикашка, маленький, сухонький... Он мог внуку, здоровенному детине под потолок ростом сказать «сделай то-то», что ему пожелается, или наказать, или заставить его что-то делать. И не дай Бог, он не выполнит его пожелание или каким-то образом проявит к нему неуважение! Старичок мог пожаловаться в казачье управление. И этого внука *ложили* на лавку и за не почитание старших и хорошо отстегивали плетью. Были специальные исполнители»⁵.

Ценность студийного снимка № 5 могла раскрыться только при комментировании, когда выяснился его ритуальный характер: «Это я первый раз бабушкой стала. Костюм у меня бостоновый был, вот я в нем стою. Вот мне это было интересно — какая бабушка это я. Вот поехала и сфотографировалась» (Петрова Н.А., 1935 г.р.)⁶. В той же монографии И.А. Разумова отметила, что фотографирование стало неотъемлемой частью «переходных ритуалов» (первый звонок, выпускные вечера, праздники совершеннолетия, юбилейные торжества и т.п.). Вместе с тем эта фотография открывает возможности изучения еще одного важнейшего жизненного поворота, давно потерянного исследователями в динамично развивающейся культуре.

Постижение смысла следующей группы фотографий также определяется контекстом, хотя выяснение времени и повода для фотографирования выводит их за рамки частной жизни, а контекст имеет письменный характер. Речь идет о

Фото № 1. Коллекция «Фотографии неизвестных». Начало XX века. Школьный музей п. Краснинского Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

Фото № 2. Коллекция «Фотографии неизвестных». Начало XX века. Школьный музей п. Краснинского Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

Фото № 3. Семья краснинских казаков Панферовых. Ок.1914 г. Семейный архив. Магнитогорск.

Фото № 4. Семья чесменских казаков Овсянниковых. Начало XX века. Семейный архив. Чесма, Челябинской обл.

фотографиях, связанных с Великой отечественной войной. На снимке № 6 семья Галины Анатольевны Лочкаревой. Семья фотографировалась в 1941 году перед отъездом отца — Анатолия Александровича — на войну. Фотографу удалось передать последние дни семейного счастья. Дети свободно выставлены вокруг родителей; младшая Галя, с игрушкой в руках, посажена в центр группы. Удивительно похожие на отца мальчики устроились с его стороны. Семья Моисеевых из п. Тайсара Верхнеуральского р-на сфотографировалась уже во время войны (фото № 7). На переднем плане в центре — родители: Иван Игнатьевич (1887 г.р.), жена Анна (1900 г.р.). За родителями фотограф поставил детей (слева на право) — Николай (1932 г.р.), Валентина (1928 г.р.), Татьяна (1929 г.р.). Фотография предназначалась старшему сыну Константину, находящемуся на фронте. Тема семьи и родного дома подчеркивается фоном, выбранным для фотографирования. Вместе с тем этот экзотический для русской культуры дом находится в полном разрыве с происходящим. В глазах взрослых — напряжение и тревога, в глазах детей — почти испуг. Вместе семья больше никогда не соберется. Константин Иванович в годы войны пропал без вести.

Выведение фотографического материала в контекст письменных документов эпохи (воспоминания участников войны, дневники и пр.) расширяет границы «общечеловеческого разговора» (К. Гирц) о том трагическом времени. Рассказы «извне» достраивают истории появления снимков, передают общие судьбы, «общую эмоцию» (Е. Петровская). «Живые» документы эпохи позволяют из первых рук оценить силу фотографии в условиях фронтовой жизни. Она возвращала память о самой возможности мирного времени, семейного счастья, любви, поэтому в письмах военного времени о фотографиях пишут часто.

Весной 1942 года был призван на фронт восемнадцатилетний Иван Гаврилов (1924 г.р.). В письмах первых месяцев военной жизни звучат постоянные просьбы прислать домашние фотографии. В них, прежде всего, тяга к дому, потребность семейного материнского оберегающего влияния. Фотография призвана восполнить разрушающуюся связь. «Мама, я прошу вас, вышлите мне фотокарточки — свою и Маруськину (сестра) большую. Мама, я стараюсь учиться на «хорошо» и свое слово сдерживаю, хотя не сплю то время, которое нам дают; и я уверен, что еще самое многое — месяц, а там пойдет, как по маслу. Ну, пока, до свидания. Жду фотокарточки. С приветом к вам, ваш сын» (без даты); «Как будешь писать письма, положи свою и Маруськину фотокарточки, что она в пальто, большая; и маленькую, в альбоме на первой странице» (12 апреля 1942 года); «Мама, если можете, то вышлите мне фото (нрзб.), а то я уже начинаю забывать образ ваш!» (21 06 1943)⁷.

Тоска по семье и матери в письмах Ефима Даниловича Хозумова (1923 г.р.). Сын репрессированного мансийского охотника, глава большой, оставшейся без мужчины семьи, был призван на фронт в 1941 году. «Мама, вы сфотографируйтесь и мне отправьте фотографию» (5 апреля 1943 г.); «Мама, отправьте мне фотографию, вы все вместе сфотографируйтесь» (12 апреля 1943 г.)⁸. Процитированные фрагменты писем «перекрашивают» восприятие снимков и предназначенных на фронт, и присланных с фронта. Подробности бытования фотографий раскрывают их внутреннюю ценность, связанную с личными переживаниями, эмоциональным состоянием человека того времени. Фотография,

Фото № 5. Петрова Н.А. Семейный архив. Кирябинское, Учалинского района, Республика Башкортостан.

Фото № 6. Семья Г. А. Лочкаревой. Магнитогорск, Челябинской обл. 1941 г. Семейный архив.

отправленная Иваном Гавриловым в 1943 г. домой, прокомментирована в самом письме уже не мальчиком, а защитником и воином. В нем и покровительственное обращение «мамаша», и гордость за то, что смог долгое время оберегать ее от волнений, и радость от того, что остался жив, как мы знаем теперь, в исторически значимом сражении: «Здравствуйте, моя дорогая мамаша! Во первых строках моего письма я сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Мама, ждите фотокарточки: я сфотографировался и вышлю следующим письмом. Вы спрашиваете, где я был, на каком фронте. Теперь можно написать, что я был на Сталинградском фронте. 2 февраля вошли в Сталинград, а 3 двинулись дальше, а сейчас находимся на ремонте и одновременно отдыхаем. Дайте адрес отца. Ваш сын Иван Гаврилов» (11 марта 1943 г.)⁹.

Письмо А.И. Араскина открывает новую тему фотографических снимков, оно сопровождает фотографию, предназначенную молодой жене Рае. Между строк письма — бережливость мужа, боязнь разочаровать далекую возлюбленную не героическим внешним видом: «1 января 1943 года нас погрузили в санитарный эшелон. Рая, я успел сфотографироваться и получил карточки, 4 штуки, сдал 30 рублей, но снялся не важно, в халате. Нельзя было одевать одежду. Вышел ничего, только в халате»¹⁰.

Драматическую сторону бытования фотографии передают последние страницы чудом сохранившегося дневника неизвестного бойца. Незадолго перед последним боем, предчувствуя, что «приговорен», молодой человек писал: «Я достал фотографию Сашки (любимая девушка), и мне припомнилось все прошлое, и на моих глазах навернулись слезы. Неужели я должен погибнуть как скотина, и во имя чего? Да, надежды на жизнь нет. Мой коротенький, двадцативосьмилетний жизненный путь подходит к концу. Прощай жизнь!»¹¹.

Сведение фотографического и эпистолярного диалогов времени оказалось полезным и для исследовательских программ лаборатории, так как выявлялись новые не разработанные или мало разработанные темы.

Распространенным типом письменного комментирования фотографического снимка являются надписи на обратной стороне. Достаточно определенная связь таких записей помогла восстановить смысл следующей фотографии: «На долгую память другу по оружию Михаилу Альмухаметову от Размысловского Балеслава. 16.05.1945 г.» (фото № 8). Такими снимками обменивались фронтовые друзья перед разлукой.

Просмотр коллекции фотографического материала заставил обратить внимание на то, что популярность развернутых комментирующих надписей приходится на 50-60-е годы XX века. Доступность фотографирования, стремительно меняющаяся жизнь, по сути, скорректировали диалог человека со временем. Эпическая масштабность семейного снимка вытесняется лирическим диалогом отдельных людей. На таких photographиях жизнь представлена в ее новых героях (чаще молодых и энергичных), в новых значимых временных отрезках: годы дружбы, совместной учебы, время проживания в одной комнате общежития, факт интересной встречи или любовного романа. Фотография «на память» самая распространенная в домашних альбомах. Надписи содержат не только указание на адресата, место, время, в их содержании преобладает словесный комментарий дарителя.

Здесь нет красоты,
Она не всем дается.
Здесь русская душа,
А в ней простое сердце бьется.
На память Люде от Н. 22.2.1955 г.

Будет нужна, то храни,
А не нужна, то — порви.
Если любишь, то сбереги,
А не любишь — изорви.
23.12. 1952 г.

Комментирующее слово, на фоне не всегда выразительного снимка, направлено на пробуждение воспоминания:

Когда-нибудь среди бумаг, покрытых слоем пыли,
Найдешь ты карточку мою и вспомнишь, **как мы жили.**

В серой дымке туманной вечер...
Вспоминая прошедшие дни,
Вспомни друзей и товарищей.
Не забудь и вспомни.

Вспомни день прощания за околицей.

Сама карточка не заменяет жизни, скорее подчеркивает утрату прошлого:

В честь нашей чудесной дружбы.
Пусть эти мертвые черты, **напомнят что-нибудь живое.**

Если встретится нам не придется,
Уж настанет такая судьба,
Пусть на память тебе остается
Неподвижная личность моя.

Попавшие в архив лаборатории из разных населенных пунктов и в разное время надписи бытуют в общих формульных конструкциях.

Пусть ветер шумит за окном,
Пусть воеет сибирская вьюга,
Пусть люди забудут о нас,
Но мы не забудем друг друга

(п. Янгелька, Агаповского р-на).

На память брату Николаю от сестры Лизы.
Пусть ветер дует,
Пусть воеет осенняя вьюга,
Пусть люди забудут о нас,
Но мы не забудем друг друга

(п. Кирябинка, Учалинского р-на).

Иногда надписи имеют наставительную функцию и адресованы взрослыми младшим в семье:

Фото № 7. Семья Моисеевых. Тайсара, Верхнеуральского р-на, Челябинской обл. Семейный архив.

Фото № 8. Коллекция «Фотографии неизвестных». Архив ЛНК МаГУ.

«На память племяннику Павлику от дяди Коли.
Учись хорошо и отлично, в жизни все это пригодится.
Жизнь — это море, будь хорошим пловцом . 8.1. 1954».

Иллюстративная функция фотографии утратила свою научную актуальность, но сама фотография при этом приобрела целый ряд новых для себя значений. В исследовательском поле современного фольклориста она восполнила затерянные в динамично развивающейся культуре традиционные ценности семьи, открыла новые формы диалога человека друг с другом и со временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. — Магнитогорск: МаГУ, 2003. Вып. 2; Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. — Магнитогорск: МаГУ, 2008. — Вып. 3.
2. Коллекция фотографического материала лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета.
3. История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. С. 122.
4. *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001. С.181.
5. Архив лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Ф.П. 2006-2007, т. 1.
6. Архив ЛНК. ЭК-40, 2008.
7. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. П-56, п-56а.
8. Фронтовые письма Е.Д. Хозумова (из фондов этнографического музея под открытым небом «Найотыр Маа» п. Сосьва, Березовского района ХМАО-Югры).
9. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. П-56, п-56а.
10. Коллекция писем ЛНК. «Милосердие», п. № 5, т. 12.
11. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. Дневник неизвестного.
12. Коллекция лаборатории народной культуры МаГУ, фотографии 2007-2008 гг.

PHOTO: DIALOGUE BETWEEN PERSON AND TIME

T.I. Rozhkova

The article considers a collection of regional photographic materials, as an important data source of national culture. Constant poetics features of family album photos are interpreted in different contextual systems making understanding of the photographic text. The question is the oral and written forms of commentary on a photo.